

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШАКЪ
Литературно-художественный

Венеція.

К. Горбатовъ.

№ 26

Южъ.

1915 г.

ВЕРШОКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по пятницамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, В. Аренсъ, Сергій Ауслендеръ, Анна Ахматова, В. Войновъ, В. Горянский, Н. Гумилевъ, И. Гуревичъ, Л. Добролюбовъ, О. Л. Доръ, Т. Ефимова, Рюрикъ Ивневъ, Н. Н. Киселевъ, В. Князевъ, Дм. Крючковъ, Борисъ Лазаревскій, Е. Лундбергъ, Б. Мирскій, М. Моравская, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Рославлевъ, Борисъ Садовской, М. Сазоновъ, М. Сандомирскій, Ю. Слезкинъ, Федоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалъевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Чапыгинъ, А. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Георгій Чулковъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Ароновъ, А. Арштамъ, А. Е. Архиповъ, А. Ф. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, П. П. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстрининъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, П. М. Грабовскій, Г. Н. Горбловъ, С. Ю. Жуковскій, К. В. Дыдышко, Е. А. Киселева, К. А. Коровинъ, М. И. Курилко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, Г. К. Лукомскій, А. М. Любимовъ, А. Ф. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, П. Митуричъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясобловъ, П. П. Пахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, В. Сварогъ, В. Плутниковъ, А. Прандъ, А. А. Радаковъ, А. А. Рыловъ, П. Е. Рѣпинъ, Ю. П. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, Г. Струнке, В. Д. Фалилаевъ, Н. П. Фешинъ, П. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Г. Шегаль, Ф. П. Шалапинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсснеръ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

за годъ за 1/2 г. за 3 м. и за 1 м.
6 р.; 3 р.; 1 р. 75 к. 75 к.

Цѣна номера въ отдѣльн. продажѣ 15 к.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутцацъ.

Цѣна объявленій—1 р. 75 к. за строку
нонпареля въ 1/4 часть страницы передъ
текстомъ и 1 р. 25 к. послѣ текста.

Редакція—Петроградъ, Воскрес. наб., 26.
Тел. № 410-98. Приемъ ежеднев. отъ 3—5 ч.

Зав. худ. отдѣл. П. П. Бродскій.

ПАПИРОСЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

10 ПАПИРОСЫ 10
шт. — коп. 10

10 шт.
15 коп.

МОЙ СОРТЪ

СЕРЕБРИСТАЯ ФОЛЬГА СОХРАНЯЕТЪ
СВѢЖЕСТЬ И АРОМАТЪ ТАБАКА

КОЛОБОВЪ и БОБРОВЪ

ПЕТРОГРАДЪ

СЛУХЪ

о томъ, что папирасы
Богданова

ЯКА—10 шт. 10 к.
на рѣдкость хороши по
качеству, захватываетъ
все больше и больше широкіе
слои Общества.

ДѢДЪ-ТАБАКОВЪДЪ.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

Исидоръ Гуревичъ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Юмористическіе рассказы.

Обложка работы художника Ре-ми.

Цѣна 1 р. 25 к.

Гл. скл. изданія: «Новый Сатириконъ», Петроградъ,
Невскій, 88.

Того-же автора: «Бархатные когти», юмор. разск.,
ц. 1 р., «Шиши любви», юмор. разск., ц. 1 р. 25 к.

Продаются въ лучш. кни. маг. и кіоскахъ жел. дорогъ.

ЖУРНАЛЪ

ВЕРШОКЪ

Литературно художественный

№ 26.

Юнь.

1915 г.

Итальянскій Король Викторъ Эммануиль.

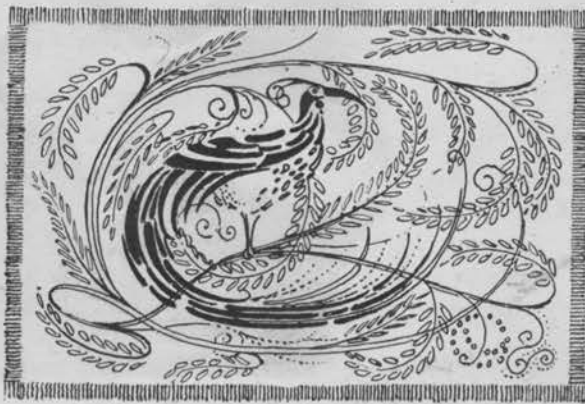
* * *

Туманно-мглистая завѣса
Сгустила облакъ роковой.
Въ тиши бѣлѣющаго лѣса
Стою, какъ памятникъ живой.

Недвижны каменные сучья
Въ холодно-мутной вышинѣ;
Ищу напрасно яркій лучъ я,
Напрасно я тянусь къ лунѣ.

Туманъ колышется въ трущобѣ
И умираетъ лунный кругъ;
Я тихо стыну на сугробѣ.
О, гдѣ ты, мой жестокий другъ?

Борисъ Садовской.

МАРИОНЕЛЛА.

(ИТАЛЬЯНСКАЯ СКАЗКА.)

а верху высокої горы, тамъ гдѣ кончается полоса виноградника и оливъ; гдѣ утромъ, при розовомъ блескѣ, перламутровыя облака ползутъ въ свѣтлую лазурь неба, оставляя серебристую росу, освѣжая засохшіе листья и усталые отъ жары корни.

Гдѣ полуденное солнце окутываетъ задумчивой серебристой мглой маѣющія въ истомѣ сырыя скалы и бѣлый маленькій домикъ весь увитый лозами винограда, съдыми оливами и фигами, покорно склонившими свои усталыя вѣтви.

Теплый, яркій закатъ заливаетъ золотистымъ свѣтомъ вершину и горитъ гора, переливая всѣми сказочными отливами желтыхъ, оранжевыхъ и красныхъ тоновъ, а послѣдніе косые лучи, заходящаго за синее море солнца, обливаютъ и гору и долину кровавымъ яркимъ заревомъ.

Маленькій городокъ, прижавшійся у склона горы по берегу темнаго моря, съ его шумнымъ пляжемъ и пестрой толпой иностранцевъ, погружается въ голубовато-зеленоватую прохладную тѣни.

Густая ночь совсѣмъ скрываетъ сѣро-синей пеленой и гору и маленькій бѣлый домикъ, и спитъ гора въ темной сѣро-синей истомѣ.

Тамъ, въ маленькомъ бѣломъ домикѣ, среди цвѣтовъ, яркихъ, какъ рубины и желтыхъ-пре-желтыхъ, среди гроздей темнаго винограда, въ пестрой тѣни виноградника и оливъ—жилъ старый, съ умнымъ, упрямымъ лицомъ, серебристо-сѣдой Джіовани, съ своей единственной отрадой въ жизни—дочкой Марионеллой.

Только ее проказы и пѣсни веселили его лицо, а звонкій смѣхъ радовалъ старое сердце, уставшее отъ тяжелой жизни.

Угрюмый Джіовани думалъ, что нѣтъ прекраснѣй Марионеллы, особенно нравилась ему утромъ, когда вскочивъ съ постели, растрепанная, она готовила его утренній кофе и завтракъ.

Разъ въ недѣлю Джіовани съ Марионеллой спускались внизъ по горѣ въ городокъ за покупками, и бѣдный Джіовани грустилъ, негодовалъ и все время ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, а Марионелла была весела и привѣтливо улыбалась знакомымъ, и шутила съ молодежью, заигрывавшей съ ней.

Бѣднаго Джіовани оскорбляли нечистоплотные взгляды, которыми провожали всѣ мужчины, его очаровательную дочь.

Марионелла привѣтливо и наивно отвѣчала на поклоны и заигрыванія и ни разу ее сердце не билось сильно, и ни разу она еще не подумала о томъ, что кроется за этой веселой любезностью, которой ее надѣляли со всѣхъ сторонъ.

Видя такую ласку и любезность, она вѣрила своей

чистой дѣтской душой, что люди прекрасны, какъ прекрасна тихая жизнь въ ея маленькомъ бѣломъ домикѣ высоко-высоко на горѣ.

Однажды, въ жаркій августовскій день, она пришла какъ всегда, но съ большою корзиною на головѣ свѣлаго, темнаго, опьяняющаго винограда и весело предлагала купить проходящимъ.

Она смутилась когда подошелъ къ ней молодой иностранецъ и восторженно смотря ей въ глаза сказалъ:

— Синьорина, вы прекрасны... Солнце свѣтитъ потому, что ему пріятно любоваться вашими формами, такъ упруго и смѣло вырисовывающимся отъ игры свѣта и тѣни; солнце хочетъ заглянуть вамъ въ глаза, но длинныя густыя рѣсницы скрываютъ ихъ бездонную глубину; а вѣтеръ сегодня такъ игривъ, потому что треплетъ беззаботно ваши темные, какъ ночь волосы. Вы мой праздникъ, свѣтлый, радостный... вы красота моихъ юныхъ сновъ, вы сказка жизни, о которой я грезилъ съ дѣтства.

Голосъ его дрожалъ, а лицо и глаза были вдохновенны.

Марионелла смутилась и съ улыбкой сказала:

— Миѣ нравятся ваши слова, синьоръ, я люблю сказки, я бы хотѣла быть вашей сказкой. Приходите къ намъ туда, на гору,—и она показала на свой маленький домикъ, утонувшій въ зелено-синей дымкѣ тѣни.

Вечеромъ она сидѣла подъ высокимъ таинственнымъ кипарисомъ и вспоминала всѣ сказки, которыя слышала съ дѣтства отъ угрюмаго Джіовани.

Однажды, когда старый Джіовани ушелъ далеко въ горы, она спускалась къ сѣрой отвѣсной скалѣ, гдѣ часто проводила долгіе часы въ неясныхъ и тихихъ грезахъ. Уже издали, сквозь спутанныя вѣтки, увидѣла, что на скалѣ сидѣлъ тотъ синьоръ, который говорилъ ей о сказкѣ. Сорвавъ большую кисть винограда быстро побѣжала по тропинкѣ, порхая, какъ яркая, пестрая бабочка среди нарядныхъ пятенъ свѣта и тѣни.

Солнце обагрило косыми лучами сизую гору и низъ погружался въ сѣрую мглу прохладной тѣни.

Марионелла наивно по дѣтски прижималась къ нему, онъ гладилъ ея черно-синіе волосы, съ восторгомъ смотрѣлъ въ бездонные темные глаза, любовался точеною смуглою фигурою, напоминавшей старую античную бронзу, его опьяняли упругія груди, такъ смѣло подымавшія простое линоче-синее платье, прикрывавшее ее голое тѣло до колѣнъ.

— Я буду приходить сюда часто,—твердилъ онъ.— Вы Марионелла моя сказка, я хочу рассказать о ней людямъ въ краскахъ, яркихъ, нарядныхъ, смѣлыхъ и безумныхъ какъ эти часы, когда я грежу съ вами.

Марионелла трепетала подъ иѣжными и сладкими словами, которыя слышала впервые, иѣжно и доверчиво ласкалась къ нему, забывалась отъ жгучихъ ласкъ и томительно-сладостныхъ объятій; только

сѣро-синяя мгла ночи и прохладный вѣтеръ съ моря заставляли ее очнуться отъ этой дикой жажды рожденія новой жизни...

Старый Джіовани повеселѣлъ и слушалъ цѣлыми днями звонкія пѣсни Маріонеллы, убиравшей виноградъ; а по вечерамъ, въ синей надвигающей мглѣ, Маріонелла, прижавшись къ иностранцу, слушала его сказки, о разныхъ далекихъ странахъ, гдѣ земля покрыта бѣлымъ покровомъ, гдѣ люди зябнутъ въ своихъ жилищахъ, и рады каждому теплomu лучу солнца.

Тамъ стынетъ только природа, но не стынутъ люди и ихъ благородныя стремленія къ теплу и свѣту, ихъ сердца горятъ огнемъ любви къ истинѣ, а жизнь льется широкою могучею и бурною волной.

Маріонелла жадно слушала и смотрѣла робко въ далекую голубую даль...

Долго ждалъ одряхлѣвшій Джіовани Маріонеллу въ первое Воскресеніе въ сентябрѣ,— она ушла внизъ съ виноградомъ и больше никогда не возвращалась въ маленькій бѣлый домикъ на сине-сизой горѣ.

— Гдѣ моя Маріонелла,— съ смертельной тоской, мечась изъ стороны въ сторону, твердилъ Джіовани и падалъ задыхаясь отъ безумнаго горя.

Да, сказки бываютъ на яву, твердила счастливая Маріонелла, въ далекой, угрюмой и бѣлой странѣ...

К. Горбатовъ.

КРОВЬ.

НОВЕЛЛА УГО ОИЕТТИ.

встрѣтилъ адвоката Мари въ часъ дня въ клубѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что ровно въ полночь уѣзжаетъ въ Анкону, на защиту одного очень интереснаго дѣла, которое продлится четыре дня; поэтому я очень удивился, когда въ девять

часовъ вечера онъ спросилъ у меня позволенія явиться ко мнѣ, если я никуда не собираюсь уходить.

— Но развѣ ты не уѣзжаешь?—спросилъ я.

— Да, непременно уѣду, но я хотѣлъ бы раньше попросить у тебя одинъ совѣтъ.

Адвокатъ Мари не первый разъ оказывалъ уже мнѣ подобную честь. Собственно говоря, совѣтовъ-то онъ мало просилъ у меня. Для него я былъ лишь удобнымъ и внимательнымъ слушателемъ, передъ которымъ онъ упражнялся, рассказывая точные факты, не стараясь излагать ихъ краснорѣчиво, какъ это ему приходилось дѣлать на судѣ. Я перебивалъ его, когда не понималъ чего-нибудь, и забавлялся, отыскивая доказательства противоположныя его мнѣнію. И онъ говорилъ, что, стараясь опровергнуть мои аргументы, онъ легче догадывался о томъ, что будутъ говорить на судѣ его противники. Словомъ, это было своего рода фехтованіе передъ поединкомъ. Но Карло Мари былъ очень любезенъ и эти свои упражненія онъ называлъ «спрашивать у меня совѣта». Маленькій, худой блондинъ, съ бритымъ лицомъ и коротко остриженными волосами на головѣ, одѣтый очень скромно, безъ колецъ и блестящихъ запонокъ, онъ, казалось, уничтожилъ на себѣ все лишнее. Быть можетъ поэтому онъ и нравился мнѣ, такъ какъ онъ старался быть самимъ собою, а между адвокатами это вещь очень рѣдкая.

— Ты хочешь рассказать мнѣ о процессѣ въ Анконѣ?—спросилъ я, едва онъ показался на порогѣ моей комнаты.

— Да, отецъ убилъ сына.

— Мальчика?

— Отцу—пятьдесятъ, сыну двадцать.

— Во время драки?

— Нѣтъ.

— Случай сумасшествія?

— Нѣтъ. Эксперты и защита готовы признать это сумасшествіемъ. Но это не такъ. Вопросъ и состоитъ въ томъ: долженъ-ли я построить свою защиту, опираясь на сумасшествіе и невмѣляемость моего кліента—это, конечно, легчайшій способъ—или же я долженъ рассказать правду, что этотъ отецъ убилъ своего сына по высоко-моральнымъ соображеніямъ, или, по крайней мѣрѣ, что онъ глубоко вѣрилъ въ то, что своимъ поступкомъ онъ спасаетъ общество отъ вреднаго человѣка.

— Убить собственного сына двадцати лѣтъ по моральнымъ соображеніямъ?

— Выслушай же какъ было дѣло.

Карло Мари перебросилъ ногу за ногу, закрылъ на нѣсколько минутъ лицо руками, собираясь съ мыслями, и затѣмъ, скрестивъ руки на колѣняхъ, началъ:

— Гаспаре Торелло, сыноубійца, житель Молфетты. О своемъ отцѣ онъ не хочетъ говорить. Изъ полицейскихъ справокъ мы знаемъ, что Торелло—незаконный сынъ, узаконили его гораздо позже, что его отецъ владѣлъ нѣсколькими рыбацкими барками и въ хорошую погоду онъ объѣзжалъ все Ионическое море, доходилъ до о. Крита и даже побывалъ въ Архипелагѣ. Его мать, я думаю, была гречанка изъ Малой Азіи. Жива ли она? Умерла ли? Сынъ говоритъ, что не знаетъ этого. Гдѣ ее встрѣтилъ отецъ Торелло, откуда онъ похитилъ ее—онъ ничего не знаетъ. Я думаю, что Гаспаре Торелло все знаетъ, но не хочетъ говорить объ этомъ. Дядя, монахъ изъ монастыря возлѣ Молфетты, помогъ мальчику учиться въ школѣ, затѣмъ пристроилъ съ пятнадцати лѣтъ въ сберегательной кассѣ. И вотъ то, чего до сихъ поръ никто не зналъ: когда Торелло было двадцать лѣтъ, онъ укралъ пять тысячъ лиръ.

Однажды утромъ, подметая комнату кассира, онъ замѣтилъ, что касса была лишь прикрыта. Онъ открылъ ее и увидѣлъ пачку кредитныхъ билетовъ и кучу золота. Сперва онъ взялъ одну монету въ двадцать лиръ и прикрылъ дверцы кассы, но затѣмъ подумавъ, что больше такой случай не повторится во всю его жизнь, схватилъ кредитный билетъ въ тысячу лиръ и снова прикрылъ кассу. Онъ былъ какъ будто пьянъ, глаза застилалъ туманъ, руки и ноги дрожали, но не отъ страха. Въ чуланѣ, гдѣ хранились вѣнники, щетки и тряпки, онъ вынулъ украденный билетъ и любовался имъ. Затѣмъ, осторожно оглядываясь, на цыпочкахъ, какъ будто не зналъ, что онъ совершенно одинъ въ помѣщеніи банка, онъ, скользя вдоль стѣнъ съ широко открытыми глазами и прислушиваясь къ малѣйшему шуму, снова направился въ комнату, гдѣ стояла касса. Казалось, новая душа вошла въ него и заставляла продѣлывать жесты и движенія совершенно новые для него, заставляла прислушиваться, вглядываться въ темноту и какъ-то особенно тихо и осторожно открывать и закрывать двери. И повторяю тебѣ, эти жесты вора ему были пріятнѣе самого воровства и даже сознанія, что онъ уже владѣеть суммой, которая для него—цѣлое богатство. Въ первый моментъ онъ укралъ двадцать лиръ, затѣмъ тысячу уже изъ жадности. И цѣлый часъ онъ только то и дѣлалъ, что приходилъ къ кассѣ бралъ небольшую сумму, относилъ въ чуланъ и затѣмъ, опять крадучись, подбирался къ кассѣ. Онъ потомъ говорилъ мнѣ и теперь повторяетъ, что онъ могъ бы взять сразу на какую угодно сумму билетовъ въ пятьсотъ или тысячу лиръ, могъ бы, наконецъ, забрать все, что было въ кассѣ, и бѣжать, но этого не сдѣ-

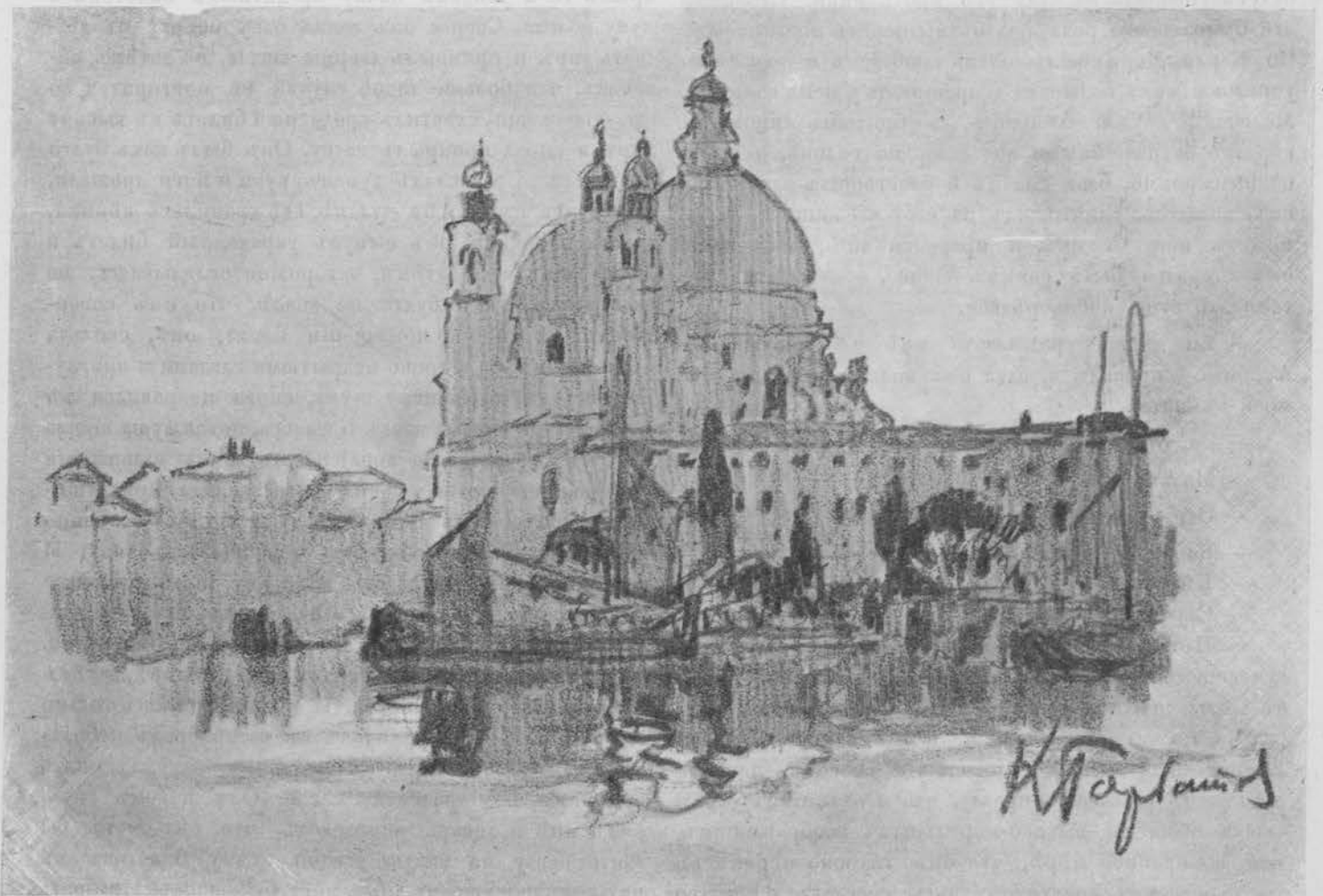
лалъ. Онъ растягивалъ удовольствіе, процесъ кражи и, чтобы украсть пять тысячъ лиръ, десять разъ возвращался къ кассѣ. Онъ испытывалъ при этомъ чисто физическое наслажденіе и счастливо улыбался. Наконецъ онъ услышалъ, что кто-то подымается по лѣстницѣ, и сталъ поспѣшно подметать комнату директора. Ни въ тотъ день, ни на другой кража не была замѣчена.

Изъ украденныхъ денегъ Гаспаре не истратилъ ни копейки, а ему было всего двадцать лѣтъ, какъ я тебѣ сказалъ. Онъ отнесъ деньги въ свою комнатку, которая была въ томъ же домѣ подъ самой крышей, и спряталъ деньги подъ двумя кирпичами, которыми былъ выстланъ полъ его коморки. Сдѣлалъ онъ это потому что, какъ онъ отъ кого-то слышалъ, такъ дѣлаютъ многіе воры. До тѣхъ поръ онъ былъ исполнительнымъ, послушнымъ, но довольно лѣнливымъ служащимъ. Теперь же сталъ хитрымъ, смѣлымъ, неутомимымъ. Его преслѣдовало желаніе снова красть. Благодаря какой-то особенной силѣ, самому ему непонятной, его влекло къ риску. Касса теперь была заперта, и вотъ Гаспаре при помощи кусочка воска снялъ форму ключа отъ кассы. А кассиръ сидѣлъ тутъ же, ключи лежали подлѣ него на столѣ, Торелло стоялъ возлѣ него съ кускомъ пропускной бумаги въ рукѣ, чтобы по мѣрѣ того какъ кассиръ подписывалъ чеки осушать подпись. И снявъ форму ключа почти на глазахъ кассира, онъ испыталъ высшую ра-

дость удавшегося рискованнаго дѣла, которое могло стоить ему всей карьеры. Но это его и погубило. Кассиръ посмотрѣлъ на него и спросилъ:—Почему ты смѣешься?—И это была правда, Гаспаре Торелло смѣялся не надъ кассиромъ, а отъ счастья и даже не замѣтилъ, что смѣется. Уходя онъ спокойно опустилъ руку, къ которой былъ прилѣпленъ кусокъ воска съ отпечаткомъ формы ключа. Но кассиръ, заподозрилъ ли что-нибудь или просто былъ обиженъ, но на другой день подсчитывая кассу и замѣтя недостающія пять тысячъ, велѣлъ допросить служащаго, убиравшаго комнату. Гаспаре Торелло повалъ бы въ тюрьму, если бы не нашли денегъ подъ кирпичами и за него не заступился дядя изъ монастыря.

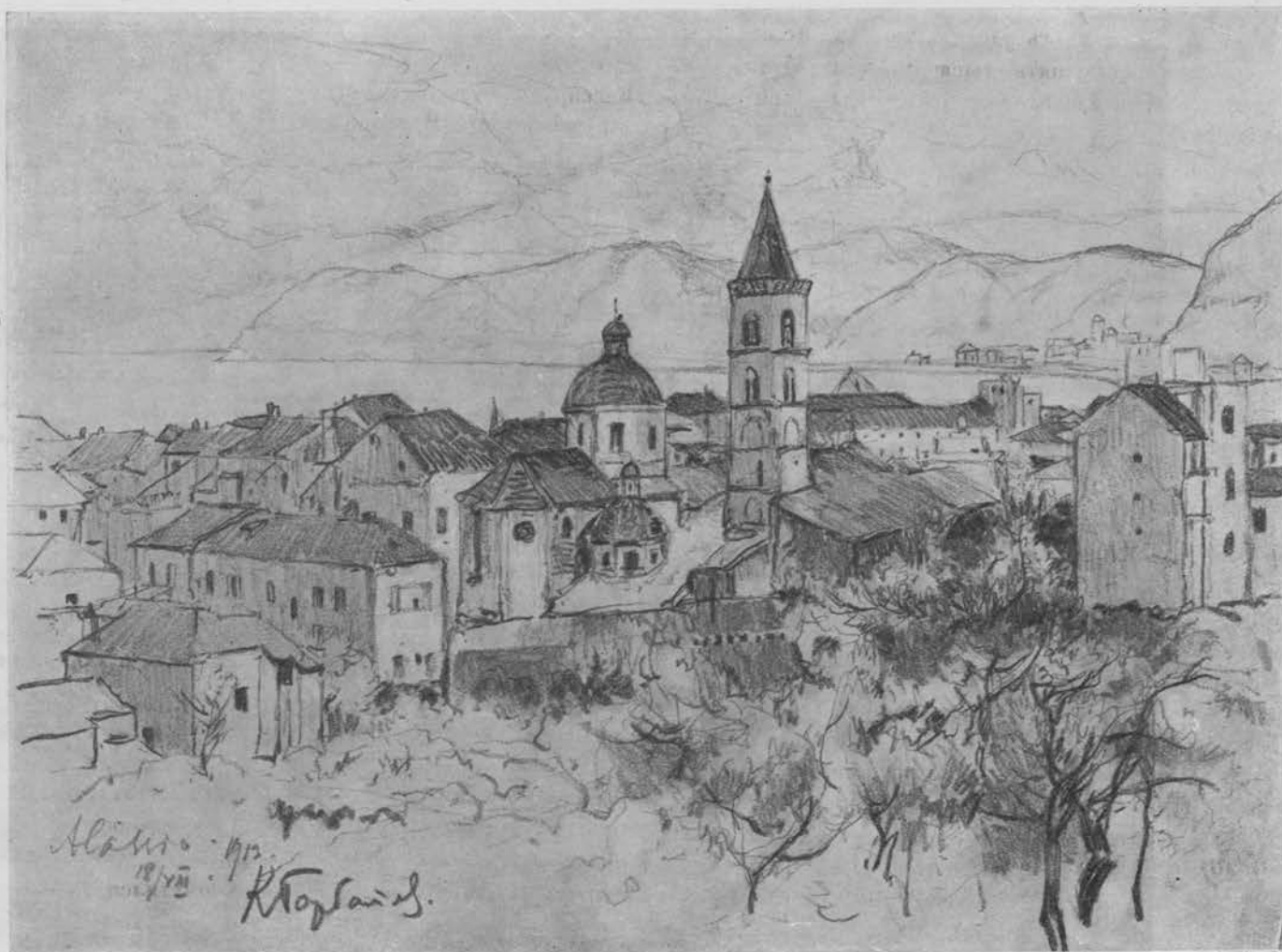
Его, конечно, прогнали со службы; онъ поѣхалъ въ Александрію. Ему казалось, что онъ проснулся отъ тяжелаго сна. Все то, что онъ сдѣлалъ въ тѣ три дня, которые протекли со дня преступленія до отказа со службы, ему казалось, что кто-то другой вошелъ въ его тѣло, принялъ его образъ, голосъ и платье. И когда при первомъ допросѣ онъ почувствовалъ, что тотъ другой исчезъ, онъ тотчасъ же сталъ чувствовать себя пустымъ, какъ платье безъ тѣла, и подумалъ, что упадетъ на землю. Замѣть, я говорю тебѣ его слова, потому что этотъ несчастный говоритъ о себѣ съ такою точностью, какъ будто говоритъ о третьемъ лицѣ.

Итакъ, въ двадцать лѣтъ онъ очутился одинъ въ

Венеція.

Рис. К. Горбатова.

Alassio.

Рис. К. Горбатова.

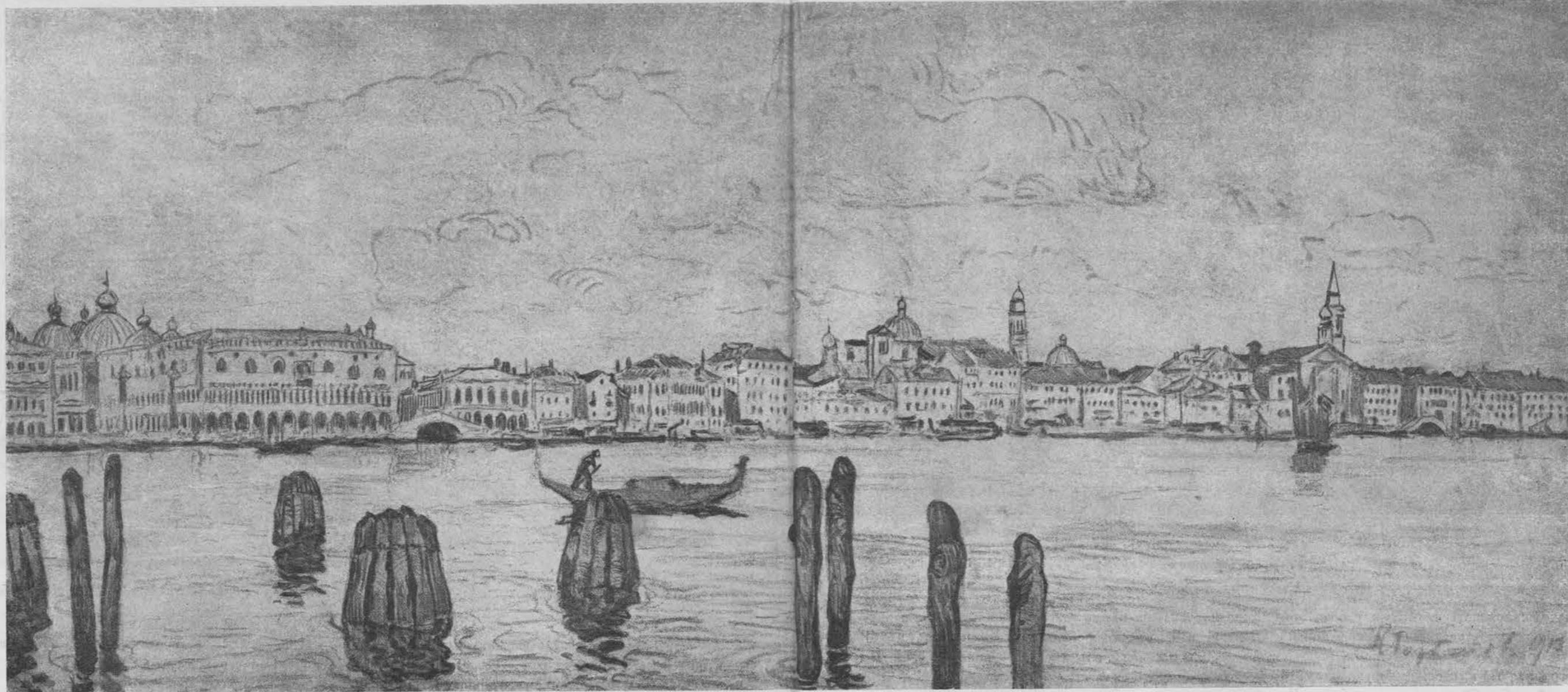
Александріи, съ двадцатью лирами въ карманѣ, чтобы начать новую жизнь. Онъ брался за всѣ профессии: былъ носильщикомъ, рабочимъ, землекопомъ, лакеемъ и вездѣ онъ честно и добросовѣстно исполнялъ свою работу. Быть можетъ его удерживала боязнь тюрьмы, которую онъ какимъ-то чудомъ избѣжалъ, а можетъ быть это было разочарованіе послѣ трехъ дней пережитыхъ волненій.

Онъ самъ слѣдилъ за собой. Желаніе украсть у него часто появлялось, соблазномъ служила и лопаточка каменщика, и сюртукъ работавшаго рядомъ съ нимъ землекопа и даже нѣсколько сантимовъ въ карманѣ какого-нибудь бѣдняка, спавшаго съ нимъ рядомъ подъ открытымъ небомъ. Но ему всегда удавалось подавить искушеніе и, благодаря неустанной работѣ и честности, ему удалось получить постоянное мѣсто на желѣзной дорогѣ между Александріей и Каиромъ. Тамъ же, въ Африкѣ, онъ и женился, и у него родился сынъ, котораго онъ убилъ годъ тому назадъ. Отъ искушенія украсть онъ не исцѣлился даже тогда, когда получалъ жалованье, которое было вполне достаточнымъ, чтобы содержать семью и не знать нужды. Но никто не зналъ объ этой борьбѣ. Напротивъ, съ годами онъ приобреталъ довѣріе своего начальства и чѣмъ больше ему довѣряли, тѣмъ чаще являлось у него желаніе украсть. И послѣ каждаго раза побѣды надъ собой, онъ чувствовалъ

себя такъ же, какъ тогда много лѣтъ назадъ, когда открыли его кражу въ Молфеттѣ.

Только къ сорока пяти годамъ, когда начали падать его силы, и онъ сталъ старѣть, Гаспаре исцѣлился отъ своей странной болѣзни. Старикъ вѣдь совсѣмъ другой человекъ, у него другія страсти, желанія, чувства, другіе мускулы и нервы, является желаніе подольше жить, избѣгать опасности и всякихъ непріятностей. Старый человекъ имѣетъ общаго съ тѣмъ, къ кому онъ былъ въ молодости, одно лишь имя и нѣсколько воспоминаній. Даже законъ принимаетъ это во вниманіе и опредѣляетъ наказанія до и послѣ двадцати лѣтъ. При первыхъ признакахъ старости Торелло замѣтилъ, что излѣчился отъ своей маніи и вздохнулъ съ облегченіемъ, теперь онъ могъ быть судьей своихъ поступковъ. Онъ, какъ пѣшеходъ, съ большимъ трудомъ пробравшійся черезъ широкую, шумную улицу, чувствовалъ усталость отъ напряженія нервовъ и у него неволью являлась зависть къ тѣмъ, которые ту же дорогу дѣлаютъ удачно, развалясь въ экипажѣ.

Но Торелло не былъ строгъ къ другимъ, не осуждалъ богатыхъ, которымъ не приходилось думать о заработкѣ и о томъ, гдѣ бы достать денегъ на завтрашній день, поэтому у нихъ и нѣтъ искушеній какъ у него. Только къ себѣ былъ онъ строгъ. О своей кражѣ въ юности онъ вспоминалъ съ ужасомъ.

Венеція.

О ней никто не зналъ, даже жена. Онъ говорилъ мнѣ, что много лѣтъ спустя, видя послѣ обѣда, какъ жена что-нибудь шьетъ, напивая пѣсенку, а сыниъ, нагнувшись надъ тетрадкой, старательно выводитъ заданное въ школѣ упражненіе,—онъ трепеталъ за свою спокойную семейную жизнь и съ ужасомъ вспоминалъ то время, когда рисковалъ потерять это счастье, оставить ихъ въ нищетѣ и опозорить навсегда ихъ имя. Если, случайно, жена замѣчала его волненіе и спрашивала, что съ нимъ, онъ плакалъ, плакалъ безъ конца.

И нужно видѣть его, высокаго, худого, съ длинными руками, большими отвислыми желтыми ушами, какъ у мертвеца, слабого настолько, что не можетъ и четверти часа стоять на ногахъ, чтобы понять, что онъ выстрадалъ. Объ убитомъ сыниъ онъ говоритъ мало. Охотнѣе онъ рассказываетъ про дядю, давно уже умершаго, который, узнавъ о кражѣ и проступкѣ племянника, въ отчаяніи побѣжалъ къ директору сберегательной кассы, гдѣ служилъ пле-

мянникъ, и въ волненіи мѣшая итальянскія слова съ латинскими, умолялъ и заклиналъ простить Гаспаре. Объ убійствѣ онъ ничего не хочетъ говорить. По его мнѣнію, убійство—логическій выводъ изъ его разсказа.

Вотъ какъ совершенно было преступленіе.

Когда онъ убѣдился, что преступная манія исчезла, и онъ излѣчился отъ своей болѣзни, онъ сталъ мечтать о переѣздѣ въ родину Италію. Въ Молфеттѣ онъ не рѣшался вновь поселиться, такъ какъ кто-нибудь изъ служившихъ тогда въ сберегательной кассѣ или же кто-нибудь изъ монаховъ могли помнить его исторію, хотя уже прошло двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ. Но вотъ одна изъ Александрійскихъ фабрикъ нитокъ и хлопчатобумажныхъ матерій рѣшила открыть отдѣленіе въ Анконѣ, и такъ какъ она имѣла о Торелло лучшіе отзывы его начальства, то и предложила ему мѣсто директора новаго отдѣленія. Онъ съ радостью согласился и переѣхалъ съ семьей въ Анкону. Его сыну, Сальватору,

было тогда шестнадцать лѣтъ, и въ Анконѣ онъ учился въ техническомъ училищѣ. Товарищи отзываются о немъ, какъ о славномъ, молчаливомъ трудолюбивомъ и почтительномъ мальчикѣ. Въ свободные отъ занятій часы отецъ держалъ его при себѣ въ магазинѣ, приучая къ дѣлу и платилъ ему за эти часы слишкомъ много. Я видѣлъ домъ, гдѣ они живутъ на корсо Витторіо Эммануила, въ нижнемъ же этажѣ этого дома ихъ магазинъ. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца Торелло замѣчалъ, что изъ его бумажника ежедневно исчезало то пять, то десять или пятнадцать лиръ, хотя бумажникъ онъ цѣлый день носилъ при себѣ, а на ночь клалъ возлѣ себя на ночной столикъ. Однажды вечеромъ, когда онъ, собиравшись лечь спать, отмѣчалъ номера бумажныхъ денегъ, которыя оставлялъ на ночь въ бумажникѣ, въ комнату вбѣжала испуганная жена и заявила, что изъ ихъ небольшого ящика, гдѣ хранилось серебро, пропало пять серебряныхъ вещей. Торелло самъ пошелъ провѣрить, и оба убѣдились, что у нихъ въ

домѣ завелось привидѣніе. На слѣдующій день Торелло обошелъ всѣ ломбарды и въ одномъ изъ нихъ нашелъ свои вещи и онъ узналъ у принимавшаго эти вещи въ закладъ, что вещи эти принесъ высокій молодой брюнетъ съ краснымъ галстукомъ. Гаспаре Торелло побѣдилъ и сказалъ:—Я понялъ, этотъ молодой человекъ служитъ у насъ. Теперь онъ уѣхалъ. Я не подамъ заявленія.—Женѣ же онъ сказалъ, что то сдѣлала прислуга, что нужно пожалѣть ее и только отказать отъ мѣста.

У Гаспаре могло быть два рѣшенія: или поговорить съ сыномъ и наказать его, или молчать и стараться исправить его, уничтожая на его пути все, что можетъ ввести сына въ искушеніе. Но передъ Гаспаре была другая задача: онъ хотѣлъ знать до какихъ поръ вина сына была его виной, которую сынъ унаслѣдовалъ отъ него, отъ отца? И затѣмъ, имѣетъ ли право онъ, самъ воръ, наказывать другого вора, отъ него рожденнаго, преступника, потому что отецъ его преступникъ? Былъ у него еще одинъ

Рис. К. Гарбатова.

Неаполь.

Рис. К. Горбатова.

героическій выходъ: признаться сыну въ своемъ старомъ преступленіи, рассказать о двадцатилѣтней борьбѣ своей съ искушеніями, о своемъ изгнаніи, работѣ, и излѣчить его, напугавъ своей жизнью, которая прошла въ страхѣ и борьбѣ съ самимъ собой... Но что будетъ, если этотъ героическій шагъ окажется ложнымъ? Что сдѣлаетъ сынъ, владея секретомъ отца? Гаспаре Торелло чувствовалъ свое право, завоеванное двадцатилѣтней борьбой, жить среди честныхъ людей, и къ сожалѣнію къ сыну съ каждымъ днемъ примѣшивалось все больше и больше ненависти, къ тому, который однимъ ударомъ могъ разрушить его двадцатилѣтнюю работу и снова подвергнуть его прежней пыткѣ.

Въ этихъ тяжелыхъ думахъ провелъ Торелло восемь дней и восемь бессонныхъ ночей. И однажды ночью онъ услышалъ какой-то шумъ въ нижнемъ, этажѣ, гдѣ былъ его магазинъ. Онъ тихо поднялся съ кровати, взялъ револьверъ и на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни. Дверь ведущая въ магазинъ была открыта, онъ вошелъ туда и въ комнатѣ, гдѣ стояла касса, увидѣлъ при слабомъ свѣтѣ свѣчи согнутымъ надъ пачкой кредитныхъ билетовъ, своего сына. Онъ назвалъ его. Тотъ обернулся. И на его лицѣ Гаспаре

Торелло увидѣлъ и узналъ свою счастливую улыбку и маску вора съ которой онъ двадцать пять лѣтъ назадъ кралъ деньги изъ сберегательной кассы... И тогда онъ выстрѣлилъ.

Это и есть его преступленіе.

— Ты долженъ слово въ слово рассказать на судѣ то, что ты мнѣ рассказывалъ, и его оправдаютъ—взволнованно воскликнулъ я, выслушавъ рассказъ друга.

— Ты думаешь?

— Если они джентльмены, они оправдаютъ его. Въдѣ въ концѣ-концовъ Гаспаре Торелло освободилъ общество отъ двухъ воровъ: своего сына и себя самого. А присяжные всѣ маленькіе собственники и поэтому будутъ благодарны ему.

— Правильно, я присмотрюсь къ нимъ, изучу ихъ, и во время процесса рѣшу этотъ вопросъ.

Адвокатъ Мари рассказалъ всю правду присяжнымъ. Гаспаре Торелло былъ оправданъ. Но теперь онъ умираетъ съ голоду, такъ какъ оправдавшее его общество не хочетъ ничего знать о немъ, сознавшемся ворѣ.

Съ итальянскаю А. Д. Шумманъ.

ВЕСНА.

отъ, почитай, съ самой «Дарьи - засори-пролубу»,— послушницы въ монастырѣ, что беле-ной объѣлись... То притихнуть бывало, тише воды, ниже травы, а то вдругъ словно ужалить ихъ кто: возню подымутъ, суматоху, визготню... И перво-на-перво тискать

другъ дружку давай, щекотать подь мышками.

До большихъ соблазновъ доходило.

Вотъ хоть намени взять: задала это имъ мать-казначая работу...

Курносую Анисью къ рукописной книгѣ «Житіе дѣвъ праведныхъ» приставила, чтобъ вслухъ та читала «объ искушеньяхъ, кои надъ сестрой черницей бѣсъ творить»...

Низко-низко склонились надъ работой головы, застучали коклюшки, сплетая хитроумный, похожий на росистую паутину, узоръ кружевной; засновалъ челнокъ тонко-точивнаго ставу; забѣгали иглы надъ пальцами, стяжокъ за стяжкомъ начали распускаться бутоны на гарусныхъ скатертяхъ.

А въ углу курносая Анисья нараспѣвъ про житіе «Перпетуи-дѣвы» читаетъ:

..... даденъ бы Перпетуѣ-дѣвѣ гласъ сладости несказанной... и Бога тѣмъ гласомъ дѣва славилась... и благодать Божія проліяся на землю обильная... Діаволь же, во образѣ обольстительномъ мужеска пола, повадися къ дѣвѣ, искушенье творя... Дѣва же постомъ и молитвою съ соблазномъ тѣмъ боролася, пока... искушитель не послалъ на землю весеняго томленія... Подобралось томленье къ Перпетуѣ-дѣвѣ какъ тать въ нощи... а за томленьемъ по пятамъ и бѣсъ самый, въ обольстительномъ образѣ мужеска пола... и нанесъ тотъ мужескій образъ дѣвѣ цѣлованье въ самыя уста... и не могла ужъ болѣ противиться дѣва... и такъ прошла ночь..., а на утро лишилась Перпетуѣ-дѣва гласа сладости неизрѣченной; а съ голосомъ бысть отнять даръ славословить Господа...

Читаетъ Анисья «рукописное житіе праведныхъ дѣвъ», а сама нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ въ раскрытое окно...

Буйное вешнее солнце ластится-ярится къ сырой да набухшей материнствомъ груди земной... Томно и сладко въ отвѣтъ вздыхаетъ земля, навстрѣчу жгучему цѣлованью. А за монастырской стѣной роща пушистой да сладкой почкой, будто пчелинымъ роємъ покрылась... Голодные птахи на монастырскомъ дворѣ на всѣ голоса заливаются...

Одно слово весна.

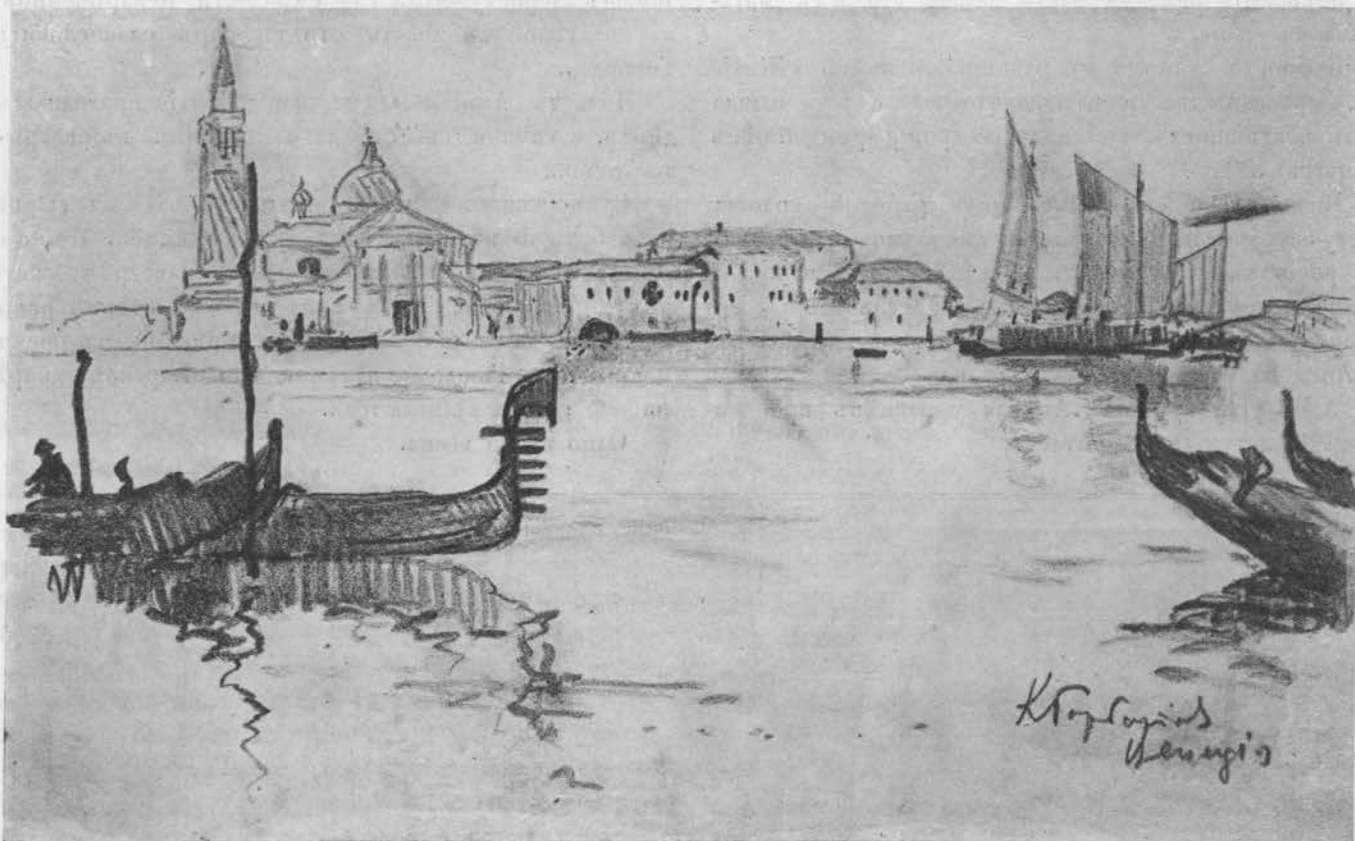
Кюдка.

Рис. К. Горбатова.

Рябить у сестры Анисьи въ глазахъ отъ вешней радости да отъ томленья. Прыгаютъ въ глазахъ буквы стараго письма. Съ пожелтѣвшихъ отъ времени листовъ не «убивцы плоти своея» глядятся, а пестрятъ кумачныя рубахи, отъ поту да отъ натуги прильнувшія къ широкимъ спинамъ монастырскихъ работниковъ... Тамъ они, на монастырскихъ задворкахъ, у самой рѣвки, дрова пилятъ, костры кладутъ. А случится сестрѣ мимо пройти, вмѣгъ работу побросаютъ, въ глазахъ нехорошее забѣгаетъ, запотягиваются на короткихъ да крѣпкихъ ногахъ...

Строго-на-строго мать-казначая заказала:—не ходить послушницамъ мимо дровяныхъ полѣвницъ...

— Никакого вамъ толку, никакого вразумленья отъ чтенія «справедныхъ житій» нѣту... дотѣштите вы бѣса себѣ въ ребро... А ты, Манефа, ты куда глаза таращишь?—набросилась вдругъ она на сидѣвшую за коклюшками послушницу.—Тоже въ окно, небось?.. Заплела видно съ утра въ косу бѣса... Ой, смотри, дѣвка, берегись искушенья... Слыхала, небось, про Перпетую-то дѣву?.. Повтори-ка ей, Анисья, какъ на утро голось у той не побѣгъ?.. Всѣ они,—мать-казначая неопредѣленно махнула рукой,—всѣ они бѣсы, только образъ мужеска пола намъ на погибель пріѣвшіе... Да...—и вдругъ сжавъ постыныя губы въ горькую складку, задумалась мать... Всякое

Венеція.

Рис. К. Горбатова.

Догадлива старая, сама черезъ всѣ мытарства прошла, всякій ей дѣвкинъ недугъ хорошо вѣдомъ... Да только не терпится послушницамъ: хоть и крюкъ изрядный мимо полѣвницъ на коровникъ за молокомъ бѣжать, а все же идутъ... Любо имъ черненькимъ да бѣлолицымъ, опустивши глаза, мимо парней пройти... Любо... Такъ и захолонетъ въ груди отъ озорного слова, что иножды вдогонку пустятъ парни... Въ ину пору лучше всякой ласки слово-то озорное...

О, искушеніе!..

Крестить Анисья лобъ, а вмѣсто молитвы побѣлѣвшія губы такое шепчутъ, такое...

— Замечталась и житія забыла? Что бѣлма-то таращишь на дворъ, вотъ велю окна известкой замазать... Силушки моей нѣту съ вами, халдами,—подкравшись къ Анисѣ надъ самымъ ухомъ скрипитъ мать-казначая...

тоже бывало у старой... Пока въ мудрое-то состояніе придешь, ой, чего натерпишься!..

А Манефа испуганно глядитъ большими карими глазами на мать-казначую, сейчасъ такъ похожую на летучую мышъ, что свернула, сжала крылья... Глядитъ въ страхъ Манефа и вся душа у ней корежится, отъ боли... По обѣщанью она въ обитель шла, никто не неволилъ... И крѣпко держалась за праведную жизнь... А тутъ еще голось у ней появился...

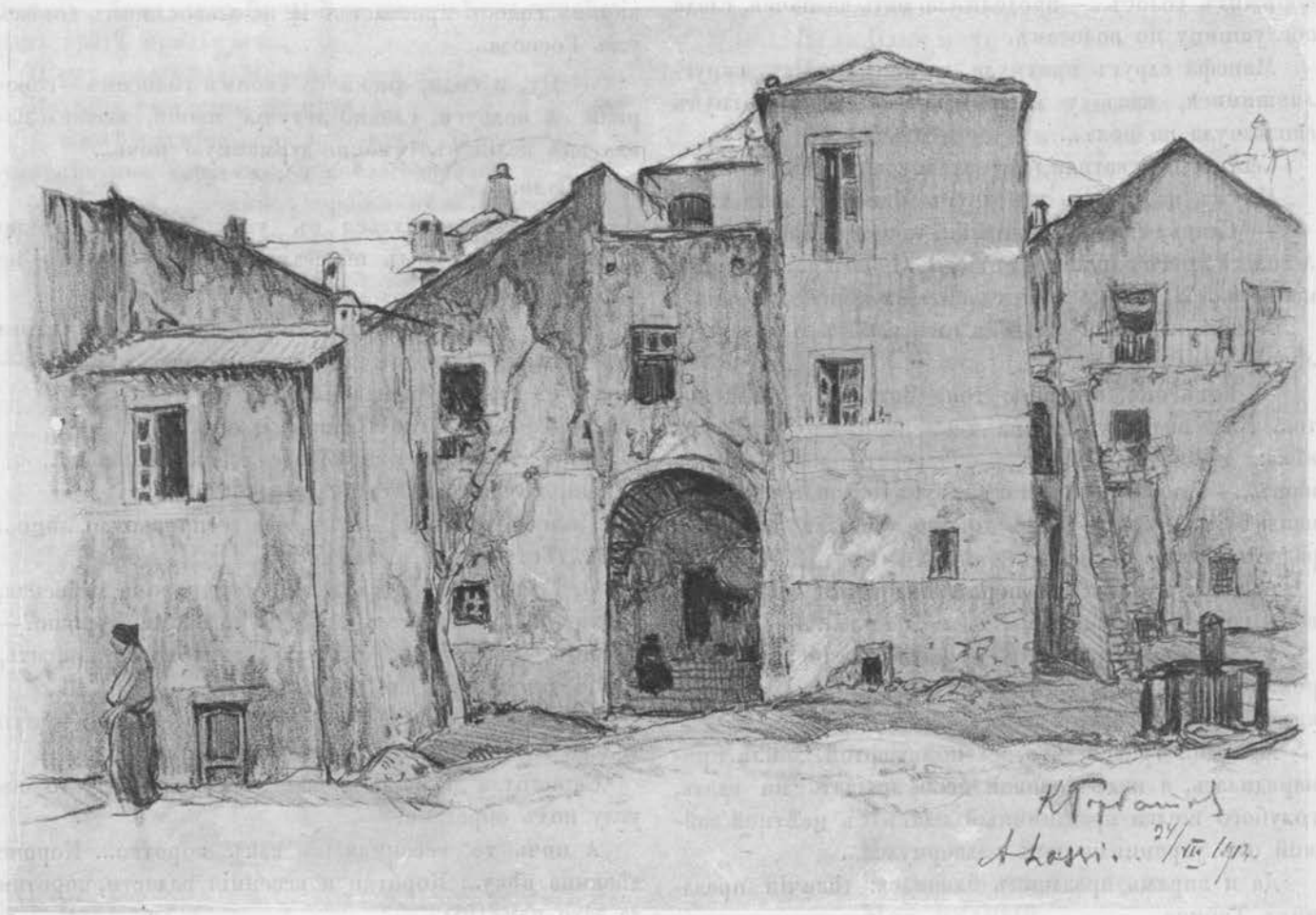
Да и какой же голось!.. Медь липовый, а не голось... Какъ бывало на великопостной службѣ зачнетъ выводить «Да исправится»—у всѣхъ на глазахъ слезы... И многіе отъ этого нѣнія «исправлялись»... Рѣдкостный былъ голось...

И вдругъ изъ-за бѣсовскаго навожденья да лишиться голоса...

Случилось тут недавно съ Манефой такое... Не-ладное, можно сказать, вышло, да ужъ видно не миновать ни одной дѣвкѣ этого... Вездѣ достанетъ... А было такъ: выходя въ Великій четвергъ изъ церкви, увидѣла она его въ первый разъ... Новый былъ въ тѣхъ мѣстахъ человекъ и временно работалъ въ монастырѣ... Стоялъ онъ посреди дороги и въ упоръ глядѣлъ на Манефу. Да такъ глядѣлъ,—до сихъ поръ не можетъ выкинуть Манефа изъ головы того взгляда... Ужъ что поклоновъ клала предъ «Утоли моя печали». Что ночей, не вставая съ колѣнокъ передъ иконой

чло... И отъ ласки ли этой, али ужъ невоготу терпѣть стало, но только плеснулось черезъ край все, что баламутило Манефину душу:

— Ой, тошнешенько мнѣ, матушка... Извело въ конецъ меня «это»... Ни днемъ отдыха, ни ночью покоя... Глазъ не сомкнуть... Чуть что,—а «оно»—тутъ какъ тутъ... И давай крутить. Видитъ Богъ, съ мѣста не сойти, теплое такое, да мохнатое... Сверху навалится да и давай... И дышитъ... Горячо такъ... Да все въ губы норовить...—согнувъ спину и положивъ голову на руки, шепчетъ Манефа.

Alossio.

Рис. К. Гарбатова.

простояла... Гвоздей въ полъ понатыкала... Ничто не помогаетъ... Не идетъ изъ головы тотъ, глазастый. Намедни пошла было къ схимницѣ, въ скитъ, покаяться, душѣ освобожденье вымолить, а очутилась межъ дровяныхъ полѣнницъ... О, Господи, Твоя сила... Вспомнить,—волосы на головѣ дыбомъ вздымаются...

А тутъ еще про эту самую, про Перпетую-дѣву читаютъ... Совѣмъ извелась Манефа: А вдругъ и впрямь голосъ пропадетъ? Что тогда? Руки наложить на себя?—грѣхъ незамолимый, а такъ... Манефа даже зажмурилась отъ ужаса...

— Да что съ тобой, Манефа? очнись!—раздается надъ ней голосъ матери-казначи, успѣвшей отогнать отъ себя «соблазны былого»... И голосъ вдругъ такой ласковый сталъ... Точно воскъ тепломъ размяг-

А кругомъ, вытянувъ шею, будто малые галчата, сидѣли послушницы, боясь дохнуть или моргнуть глазомъ. Всѣмъ любопытны Манефины рѣчи, ибо со всѣми по ночамъ творилось неладное.

Стало такъ тихо, что слышно было, какъ тянулась нитка стежокъ за стежкомъ.

И вдругъ, разрывая тишину, по мастерской хохотъ прокатился—зыбкій, хлесткій и переливчатый...

Всѣ вздрогнули и подняли головы...

Стукаясь головой о подушечку съ плетеньемъ, хохотала все та же Манефа.

А зыбкій и захлебывающійся хохотъ метался по мастерской изъ угла въ уголь, подбираясь къ темнымъ и строгимъ ликамъ праведныхъ старцевъ, что висѣли по стѣнамъ, щекоталъ древнее вылупив-

шеся письмо и летѣлъ черезъ открытое окно туда, на монастырскіе задворки, гдѣ работники горланили свои озорныя пѣсни и гдѣ звонкимъ лязганьемъ вторили имъ пилы...

— Полно дѣвка, будетъ,—набросилась на нее мать-казначей,—и что-й это съ тобой? Никогда я такого за тобой на примѣчала, Манефа...—и она испытующе заглядывала Манефѣ въ лицо...

— Не иначе, какъ бѣсъ тебя облещиваетъ... Зависть его, глядя на твой голосъ разбираетъ... А ты поминай Перпетую-дѣву, схожи вы очень голосами, а поддашься искушенью,—пропадетъ голосъ... Ужъ не славословить тебѣ Господа Бога по прежнему... Не побѣжить голосъ...—продолжала мать-казначей, глядя послушницу по волосамъ.

Манефа вдругъ притихла, взглянула на ту, закруглившимися, какъ у совы, глазами, и взвизгнувъ скользнула на полъ...

Сестры подхватили, въ келейку понесли...

И ужъ на рукахъ у подругъ Манефа кричала:

— Сгинь, сгинь окаинный... пропади пропадомъ... А голоса моего ворошить не моги... Божья я... Господня невѣста... И вовѣкъ мнѣ славить имя Господне дано...

А мать-казначей глядѣла имъ вслѣдъ и качая головой, шептала:

— Вотъ оно, весеннее то... Вотъ оно томленье то... Ужъ видно у Творца такъ положено испоконъ вѣка: мужескій образъ обольстительный — врагъ нашъ...—и немного подумавъ вдругъ добавила, улыбаясь неизвѣстно чему:—Врагъ то оно врагъ, а только и радость тоже...

А весна межъ тѣмъ перла въ окна и въ двери—какъ говорила коровница, мать Ненила...

Ужъ слетѣлъ съ монастырской рощи пчелиный рой: вмѣсто пушистыхъ почекъ неполнымъ да клейкимъ листомъ закурчавились дерева...

Молодой травой, что зеленой тафтой, земля принарядилась, а надъ головой небо, ни дать ни взять, голубого шелка праздничный платъ съ цвѣтной каймой отъ утреннихъ зорь развернулся...

Да и впрямь праздникъ близился: дѣвичій праздникъ Троица.

Еще наканунѣ курносая Анисья не выдержала,—къ дровянымъ полѣвницамъ сбѣгала, будто и невзначай попала. А тамъ ей парни и нашептали:—Зови, дѣвушка, послушницъ ночью въ монастырскую рощу!.. Зови потѣшить сердце молодое... Нечего на старыхъ совѣ-то глядѣть... Разъ въ году Троицкая ночь... Разъ въ году Духова зоря съ сухой росой... Не бойсь не вымочить ряски...

Слушаетъ Анисья, а у самой сердце такъ и ёкаетъ...

— Пойти... И впрямь Духова роса не вымочить... не подведетъ... не выдастъ...

Вдругъ подходитъ къ ней одинъ, глазастый такой, воротъ растегнуть, шея что колокольная мѣдъ...

Подходитъ и говоритъ:—Ты, дѣвушка, Манефу позовитай... покликай... Скажи все одно — не уйи ей отъ меня.. Хуже будетъ, коли самъ приду ночью...

Ужъ не помнитъ Анисья, какъ до келсекъ добѣ-

жала, да такъ все галчатамъ-послушницамъ и выложила, какъ парни заказывали...

Сбились тѣ въ кучу, зашептались по угламъ... И любо имъ и боязно...

Пойти, чтоль?

А какъ бѣсъ?

Пойти...

На томъ и порѣшили,—уйти на Троицыну ночь въ рощу.

Только Манефа словно окамѣвѣлая стояла въ углу и на всѣ уговоры—пойти вмѣстѣ,—головой мотала...

Знала она, что тамъ ее ждетъ... Изъ головы не выходила Перпетуя-дѣва: а вдругъ, бѣсъ? Вдругъ и впрямь голосъ пропадетъ? И не славословить вовѣкъ ужъ Господа...

— Ну, и сиди, кисни со своимъ голосомъ—говорили ей подруги, словно летучія мыши, выскальзывая изъ келій въ туманно-дурманную ночь...

Стихло...

Бойтся шелохнуться въ углу Манефа... Точно здѣсь, въ углу, подъ образами, никакая нечисть не достанетъ...

Долго стояла... Молиться пробовала—всѣ слова перепутала... Совѣмъ не то выходитъ... Вдругъ—стукъ въ оконце раздался...

Манефа даже глаза закрыла: онъ...

Вотъ снова козенки по стеклу забарабанили...

Ой, моченьки нѣтъ... Ноги подкосились...

Глянула въ окно,—а къ стеклу прильнуло лицо... Онъ... Тотъ, глазастый...

О, Господи, Твоя сила... Прости царица небесная, окаинную... може ладаномъ бы покадить хорошо?—думаетъ Манефа:—Аль такъ добромъ попросить, чтобъ душеньку ослобонилъ?

Мастерица на увертки дѣвка по весѣ, — чего только не придумаетъ для очистки совѣсти то?..

Скрипнула дверь и снова все стихло... Пусто въ углу подъ образами.

А ночь то весенняя ой, какъ коротка... Короче дѣвкина вѣку... Коротки и весеннія радости, коротки да зато памятны...

Вотъ ужъ заалѣлъ край неба надъ покосами... То Духова зоря занялась.

Пора дѣвуньки, пора касатушки...

И снова скрипнула дверь въ келейку, вырвалась Манефа изъ чыхъ-то цѣпкихъ, жадныхъ рукъ, да такъ, не снимая отсырѣвшей ряски и бросилась въ уголъ передъ «Утоли моя печали»...

Воровато, другъ за дружкой крадучись, послушницы вернулись.

— Ишь, молится, сердечная,—говорили онѣ, глядя на распластавшуюся передъ образомъ Манефу. И невдомекъ имъ, что уходила та.

— А мы то... мы то... Прости Господи... и въ груди покаянье вперемежку съ радостью переливалось...

Вотъ и къ утрени вдарили... Пошатываясь, словно пьяная шла Манефа въ церковь...

— Пропала... Все сгинуло... Погубила голосъ окаинная... Выпилъ онъ безъ остаточка даръ Богомъ

дарованный... Не захочетъ Господь оскверненнаго славословья... Не побѣжить голосъ...

Стоитъ Манефа въ церкви, что травица—русалий волось—трясется...

Вотъ и славословье...

— Начинай, Манефа,—раздается голосъ клирошанки,—начинай...

Вытянула Манефа шею, головой разъ другой мотнула, будто повисъ кто у ней на шеѣ... Пальцами горло потрогала—словно давить кто...

Начала...

Ужъ какъ пѣла—сама не помнить...

Только всѣ кругомъ лица повернули въ Манефину сторону... Даже отецъ Василий къ щелочкѣ изъ придѣльных вратъ прильнулъ...

И какъ же пѣла Манефа,—и-и-ихъ!..

Никогда еще такъ не пѣвала...

А послѣ службы сама мать-игуменія подошла, до руки пѣвунью допустила и поблагодарила:

— Очинно... очинно хорошо пѣла... Вотъ какъ разутѣшила... Никогда еще голосъ твой, дѣвушка, такъ не бѣжалъ... Никогда...

М. Сазоновъ.

ЛѢСЪ.

Я люблю тебя, лѣсъ
Изумрудный,
Я люблю твои сказки,
Мой чудный.

Я люблю твой полетъ
Въ высь, гдѣ небо синей,
Кружевной переплетъ
Изумрудныхъ вѣтвей.
Я люблю твой покой,
Неоглядную ширь,
Что могучей рукой
Разсадилъ богатырь.
Я люблю и твой гнѣвъ,
Когда дубъ вѣковой
Ломитъ вздохомъ однимъ,
Какъ тростникъ молодой.
Ты одинъ знаешь все,
Что ушло въ глубь вѣковъ,
Но хранишь про себя
Хороводъ дивныхъ сновъ.
Только ихъ знаешь ты,
Только ими живешь,
Только имъ въ дни весны
Свои сказки поешь.
Сколько разъ я ходилъ
Въ глубь тѣнистыхъ аллей
Чтобъ послушать тебя
Съ хоромъ гибкихъ вѣтвей...
Не одинъ слушалъ я—
Старый лѣшій прилѣзъ
И намъ много быльи,
Много сказокъ спѣлъ лѣсъ.
Разошелся старикъ,
Время было не спѣхъ,
До вторыхъ пѣтуховъ
Разносился нашъ смѣхъ
Я люблю тебя, лѣсъ
Изумрудный,
Я люблю твои сказки,
Мой чудный.

Казимиръ Маратовъ.

Библиографія.

«РУССКІЯ ПРОПИЛЕИ», т. I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915 г. Стр. 390. Ц. 3 р. 50 к.

Объемистый, хорошо изданный томъ богатъ содержаниемъ. Волнующія при всемъ ихъ вышнемъ однообразіи письма ки. М. Н. Волконской; письмо декабриста И. Д. Якушкина къ Н. Н. Шереметевой, гдѣ онъ описываетъ житье на Петровскомъ заводѣ и обсуждаетъ возможности пріѣзда жены, письма Киржевскихъ, поэма «Ножка» и воспоминанія Н. М. Сатина; дневникъ и письма Н. Л. Герценъ; переписка упорнаго, не по-русски въ своихъ замислахъ отчужденнаго Вильяма Фрея со Львомъ Толстымъ и мн. др.—излюбленная М. О. Гершензономъ эпоха дала исто-

рику и большое количество значительнѣйшихъ документовъ. Особое вниманіе привлекаетъ автобіографія В. С. Печерина. Даже здѣсь, среди избранныхъ, его «Отрывки изъ автобіографіи доктора Фуссгэнгера» стоятъ особнякомъ, какъ по внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по блеску литературнаго дарованія. Отрывки эти имѣютъ, конечно, самостоятельную цѣнность. Но полностью ихъ восприметъ лишь тотъ, кто знакомъ съ біографіей В. С. Печерина, М. Гершензонъ, написавшій о Печеринѣ едва ли не самую задушевную изъ своихъ книгъ, видимо, очень мало рассчитываетъ на знакомство съ біографіей широкихъ читательскихъ круговъ: онъ вкратцѣ повторяетъ ее въ «Пропилеяхъ». «Исторія знаетъ многихъ людей, говорить онъ, которые, въ сущности, никогда не жили—я разумѣю: жизнью, достойнаго человека—и тѣмъ не менѣе

приобрѣли громкую славу, а тотъ, о которомъ я хочу рассказать *) жилъ болѣе, нежели одною жизнью и однако кто знаетъ его имя?»

Печерина, подобно Грановскому и Герцену, воспитанъ въ духѣ «жгучихъ идей либерализма», гувернеръ-швейцарецъ. Деспотъ отецъ, желавшій выростить сына солдатомъ, способствовалъ той душевной тревогѣ, которая впоследствии выбила его изъ обычной колеи. Въ 1829 году онъ попадаетъ въ Петроградъ, студентомъ филологомъ, въ самую мрачную пору минувшаго вѣка. «Бури улеглись, писалъ впоследствии Печеринъ о состояніи общества накануне французской революціи 1830 года, — настала какая-то глухая тишина... Въ воздухѣ было ужасно душно. Я, дѣйствительно, начиналъ уже дремать». Живетъ онъ въ ту пору «желаніемъ лучшаго міра», мечтой о нерасторжимой связи между космосомъ и человекомъ, о красотѣ, наполняющей космосъ... «о долгѣ сохранять въ себѣ незапятнанной божественную сущность и содѣйствовать ея проявленію во всемъ человѣчествѣ.» Эта мечта могла остаться нетронутой въ человѣкѣ менѣе требовательномъ, чѣмъ Печеринъ. Ею же она сначала подыала надъ дѣйствительностью, а потомъ съ этой дѣйствительности столкнула. И Печеринъ отказался отъ мечты, а потребовалъ дѣла.

Въ 1833 году министръ Ливень послалъ молодого филолога совершенствоваться въ знаніяхъ въ Берлинъ. Печерина съ дѣтства тянуло на Западъ. Въ письмѣ съ пути онъ среди «дѣйствующихъ лицъ въ дилижансѣ» помѣщаетъ себя — «Г. Печеринъ, рыцарь, вѣдущій въ Палестину. Въ своей прекрасной родинѣ онъ оставилъ сокровища своего сердца, а впереди... сияетъ ему навстрѣчу вѣчное солнце Истины». Осенью онъ отправляется въ Швейцарію, переваливаетъ черезъ Симплонъ, посѣщаетъ Миланъ, Падую, Верону, Венецію, Римъ, Неаполь, это путешествіе — время стремительнаго его роста. Онъ счастливъ. Онъ узналъ прелесть земли и радость свободной жизни на ней. Возврата ему уже нѣтъ. Когда приходитъ время вернуться въ Россію, онъ теряетъ равновѣсіе, зная, что ему въ ней суждено завянуть, подобно другимъ, безъ дѣла, — онъ мечтаетъ только о разрушеніи стараго міра, ибо это все, что

онъ можетъ. Въмѣсто мечтательнаго идеализма, онъ начинаетъ съ жадностью слѣдить за умственнымъ теченіемъ, нараставшимъ тогда во Франціи и Англіи, гдѣ въ ученіяхъ Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна научно разрабатывалась его мечта о «лучшемъ мірѣ». Осенью 1835 года, по возвращеніи въ Россію, Печерина назначается доцентомъ. А въ іюлѣ слѣдующаго года, онъ уже снова за границей, куда бѣжалъ, разорвавъ всѣ личныя связи и формально отрѣзавъ себѣ путь домой. Онъ скитается по Швейцаріи, Бельгіи и Франціи, полунищій, обдумывающій свою судьбу. Именно этой земной полосѣ его жизни посвящены отрывки, опубликованные въ «Пропілеяхъ». Въ нихъ много юмора, есть горечь, есть раздумье, но больше всего неувыдаемой живости, дающей человѣку силы вѣчно мѣнять и мѣнять оболочки своего духа. Онъ примыкаетъ къ нѣкоторымъ группамъ европейскихъ революціонеровъ. Но позже разочаровывается въ осуществимости своихъ идеаловъ. Жжетъ его это разочарованіе, и еще больше жжетъ разочарованіе въ собственныхъ силахъ, ему казалось, что онъ призванъ спасти міръ, и что онъ сдѣлалъ за годы скитаній? Голодная безпріютная жизнь длилась четыре года. Въ 1840 году Печеринъ принялъ католичество и вступилъ въ орденъ редемптористовъ.

Дѣятельности миссіонера Печеринъ отдалъ около двадцати лѣтъ жизни. И это не помѣшало ему впоследствии, въ «Огрынкахъ», насмѣшливо отзываться о собственномъ обращеніи. Когда ему было уже за пятьдесятъ съ нимъ что-то произошло: около 1860 года онъ говоритъ объ настоящихъ годахъ, какъ о годахъ сна. «И прожилъ, и проигрался влухъ».

Эти нескончаемыя до самой смерти превращенія ищущаго духа, о которыхъ мы узнаемъ лишь по намекамъ, полны большой прелести, и прелестью ихъ проникнуты мельчайшія записи о скитаніяхъ, то патетическія, то успокоенныя на видъ письма къ друзьямъ. Исторія его развитія — есть своеобразная имитация исторіи Фауста: отъ мечтательности къ суровому, стойкому, невидному подвигу. Пече-

*) Здѣсь и ниже цитирую по книгѣ М. М. Гершензона: «Жизнь В. С. Печерина», М. 1910 г.

Е. Рошнѣв.

Приносимъ нашу глубокую благодарность Константину Ивановичу Горбатову, любезно предоставившему для сего номера свои путевые наброски.

Редакція.

Содержаніе.

Стихот.—*Борисъ Садовской*. «Маріонелла». Итальянская сказка —*К. Горбатовъ*. «Кровь». Повесть Уго Оіетти, пер. съ итальян. *А. Д. Шулъманъ*. «Весна». Разсказъ —*М. Сазоновъ*. «Лѣсъ». Стих.—*Казиміръ Маратовъ*. Библиографія. «Русскія пропілеи». —*Е. Рошнѣв*.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО М. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ, Захарьевская, 9.

Сочиненія Н. Бунакова.

„Азбука и уроки чтенія и письма“. Съ 241 рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

„Книжка-Первинка“. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками и задачами для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

„Въ Школѣ и Дома“. Книга для чтенія, примѣненная къ преподаванію родного языка въ начальныхъ училищахъ: Часть I-я—второй годъ обученія, ц. 40 к. Часть II-я—третій годъ обученія, ц. 60 к. Часть III-я—Хрестоматія для городскихъ училищъ, ц. 75 к.

„Живое Слово“. Учебная книга для начальной школы, въ трехъ частяхъ: Часть I-я—ц. 30 к. Часть II-я—ц. 40 к. Часть III-я—ц. 50 к.

„Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школѣ“—ц. 15 к.

Руководство для занятій въ народной школѣ по книгѣ для чтенія „Въ Школѣ и Дома“. Ч. I и II, съ темами, планами и примѣрами постепенныхъ письменныхъ упражненій для наученія самостоятельно излагать свои мысли—ц. 30 к.

Руководство къ обученію грамотѣ по книгѣ „Азбука и уроки чтенія и письма“—ц. 15 к.

„Родной языкъ“ какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ—ц. 1 руб.

„Школьное Дѣло“. Учебный матеріалъ, проработанный на учительскихъ съѣздахъ и курсахъ за тридцать лѣтъ (1872—1902 г.)—ц. 1 р.

„Школьный годъ“. Распределеніе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ—ц. 25 к.

Сочиненія А. Бунакова.

Синтаксисъ Русскаго языка. Руководство къ изученію элементарнаго синтаксиса—ц. 50 к.

Николай Феодоровичъ Бунаковъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ, сост. Л. В. Македоновымъ—ц. 30 к.

Сочиненія Н. де-Жоржъ.

Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. А. Ребьера—ц. 85 к.

Элементарная алгебра. А. Босъ—ц. 2 р. 50 к.

Элементарный курсъ арифметики. Аббата Е. Желена—ц. 1 р. 10 к.

Курсъ элементарной геометріи. А. Боса и А. Ребьера—ц. 1 р. 50 к.

Образцы рѣшенія геометрическихъ задачъ помощью тригонометріи, съ приложеніемъ задачъ и таблицы тригонометрическихъ формулъ Н. де-Жоржъ—ц. 50 к.

Сочиненія М. Вольпера.

„Русская Рѣчь“. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку тѣхъ дѣтей, которыя при поступленіи въ школу не умѣютъ говорить по русски.—Первый выпускъ: Букварь—ц. 20 к. Второй выпускъ: Первая послѣ буквара книжка для чтенія—ц. 30 к. Третій выпускъ: Книга для чтенія—ц. 50 к.

Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка инородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ „Русской Рѣчи“ и „Практической русской грамматикѣ“—ц. 30 к.

Сборникъ статей образцовыхъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Продолженіе руководства „Русская Рѣчь“—ц. 75 коп.

Толкователь словъ, фразъ и оборотовъ, встрѣчающихся во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ „Русской Рѣчи“, въ двухъ частяхъ: Часть I-я—пособіе ко второму выпуску—ц. 20 к. Часть II-я—пособіе къ третьему выпуску—ц. 30 к.

Практическая русская грамматика. Учебное руководство, служащее дополненіемъ къ „Русской Рѣчи“, съ 688 письменными упражненіями—ц. 30 к.

Этимологія русскаго языка въ таблицахъ. Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ—ц. 30 к.

Сочиненія В. Гербача.

Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей, учит. инст. и семин—ц. 60 к.

Руководство къ обученію письму—прописи русскія, составленныя по поруч. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ—ц. 40 к.

Прописи французскія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи нѣмецкія, со сборникомъ примѣровъ для самостоятельныхъ упражненій въ правописаніи—ц. 40 к.

Прописи латинскія и греческія—ц. 30 к.

Русская скоропись. Упражненія для развитія свободнаго движенія руки и пріобрѣтеніе четкой скорописи—ц. 40 к.

Русскія прописи круглаго шрифта и образцы другихъ болѣе употребительныхъ шрифтовъ—ц. 50 к.

Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ, составляющіе необходимое пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ—ц. 10 к.

Уроки чистописанія, составленные согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 20 к.

Русскія прописи, составленныя согласно указаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта—ц. 10 к.

Прямое письмо. Новыя русскія прописи, какъ пособіе для начальнаго обученія въ школѣ и дома—ц. 20 к.

Образцы прямого письма. Пособіе для начальныхъ училищъ—ц. 10 к.

Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшія орфограф. правила—ц. 20 к.

Образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ обиходѣ—ц. 15 к.

Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома: а) Русскіе образцы косогаго письма въ восьми тетрадахъ. б) Русскіе образцы прямогаго письма въ семи тетрадахъ. в) Французскіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. г) Французскіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. д) Нѣмецкіе образцы косогаго письма въ двухъ тетрадахъ. е) Нѣмецкіе образцы прямогаго письма въ двухъ тетрадахъ. Цѣна каждой тетради 10 коп.

Сочиненія К. Ельницкаго.

Общая педагогика—ц. 75 коп.

Курсъ дидактики—ц. 75 коп.

Основныя начальнаго школьнаго воспитанія и обученія—ц. 60 к.

Методика начальнаго обученія отечествен. языку—ц. 75 к.

Очерки по исторіи педагогики—ц. 75 к.

Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ препод. педагогика—ц. 65 к.

Педагогическая хрестоматія. Для учебныхъ заведеній и занимающихся воспитаніемъ—ц. 1 р. 25 к.

Теорія словесности—ц. 75 к.

Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ—ц. 20 к.

Мысли и чувства, выраженыя въ поэтическихъ произведеніяхъ—ц. 40 к.

Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ—ц. 80 к.

Характеристика дѣвочекъ—ц. 50 к.

К. Д. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды—ц. 25 к.

Инородцы Сибири и Среднеазиатскихъ владѣній Россіи. Учебное пособіе—ц. 1 р.

Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—ц. 1 р. 50 к.

Школьное обученіе—ц. 75 к.

Учебникъ законовѣдѣнія для среднихъ учебныхъ заведеній—ц. 75 к.

Преподаваніе педагогики. Веденіе преподаванія педагогики въ VIII-мъ, педагогическомъ, классѣ женской прогимназіи—ц. 25 к.

Обученіе грамотѣ, чтенію и письменному изложенію мысли и грамматикѣ—ц. 75 к.

Изъ записной тетради стараго учителя—ц. 40 к.

Краткосрочные педагог. курсы—ц. 20 к.

Классное чтеніе произведеній, изучаемыхъ въ начальныхъ школахъ—ц. 50 к.

КАРАМЪ БЕЗЪЗКА

ШОКОЛАДЪ
КОНФЕКТЫ

ПЕЧЕНЬЕ

КАКАО

ВАФЛИ

ПЕТРОГРАДЪ

